ЕЛЕНА
ГРАСС
БОСС,
одиночка
и
ЛАПОЧКА ДОЧКА

Елена Грасс

Босс одиночка и лапочка дочка

«Автор»
2026

Грасс Е.

Босс одиночка и лапочка дочка / Е. Грасс — «Автор», 2026

Я преуспевающий бизнесмен, убеждённый холостяк и безнадёжный бабник.Моя жизнь выстроена идеально: днём — выгодные сделки, а ночью — красивые девушки и вечеринки.Естественно, ни о какой семье и детях речи не идёт.Всё меняется в тот день, когда на пороге моей приёмной возникает маленькая девочка, крепко сжимающая в ладони записку.Пока лаборатория готовит результаты теста ДНК, малолетняя захватчица устанавливает в моём офисе собственные порядки, распугивает сотрудниц и превращает кабинет в филиал детского сада.

© Грасс Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Елена Грасс
Босс одиночка и лапочка дочка

Глава 1

ТИМУР

Отрываю глаза от документов и пытаюсь прислушаться.

—Ма – ма! Ма – ма-а-а, — кажется, какой-то ребёнок, надрываясь, зовёт маму.

Маленький, судя по голосу. Он надрывается так отчаянно, словно его бросили одного посреди незнакомого места.

Так, стоп, кто? Ребёнок? В моей приёмной? Что за ерунда…

Медленно отодвигаю клавиатуру и смотрю на плотно закрытую дверь кабинета.

Может, мне послышалось? Последние несколько дней я почти не спал, разбираясь с новым проектом, так что ничего удивительного, если у меня вдруг начались галлюцинации.

Нет, не послышалось. Громкий плач продолжается.

Наверное, кто-то из подчинённых приволок на работу своего малыша, но меня предупредить забыл.

Злюсь. У нас серьёзная компания, а не детский сад. Здесь никто и никогда не приводит детей на работу.

Даже в экстренных случаях сотрудники заранее согласовывают подобные вещи с руководством.

И уж тем более не оставляют орущего ребёнка в моей приёмной.

Пытаюсь понять, кто и зачем этот сделал, но быстрого ответа не нахожу.

— Уа-а-а! Ма-ма! — пронизывает тишину новый вопль с тем же набором слов.

Этот крик оказывается ещё громче предыдущего. От пронзительного голоса начинает неприятно звенеть в ушах.

Сжимаю кулаки, хватаю трубку и набираю своей помощнице.

Наташа отвечает почти сразу, но в её голосе слышится странное напряжение:

— Да, Тимур Михайлович…

— Наташа, что происходит? Откуда в приёмной дети? — даже сам не замечаю, с каким рыком произношу эти вопросы. Этот плач меня жутко раздражает.

— Извините, Тимур Михайлович…

— Скажи ему, чтобы замолчал! — командую безапелляционно.

— Это она.

Я несколько секунд молчу, не сразу понимая, что именно она имеет в виду.

— Что?

— Не «он». Это девочка.

— Плевать! Тогда скажи ей, чтобы замолчала!

— Не могу.

Что она только что сказала? Не могу?

Это точно моя помощница? Моя секретарша Наташа, которая за два года работы со мной ни разу не произнесла слов «не могу»!

Не верю! Она всегда находила выход из положения! Она умудрялась находить билеты на переполненные рейсы, договариваться о переносе неподлежащих переносу встреч и справляться с заданиями, которые оказались бы не по силам даже мне, её руководителю.

— В смысле — не можешь? — медленно переспрашиваю я.

— Она меня не слушает и продолжает плакать.

— Тогда найди того, кого она послушает и кто сможет её успокоить. Позови её мать, отца, дядю, друга, няню. Да кого угодно! И вообще, немедленно уберите ребёнка из приёмной, — даже не успеваю закончить возмущаться, когда понимаю, что моя секретарша сбрасывает звонок.

— Уволю на фиг! Устроили здесь детский сад.

Не успеваю продолжить возмущаться, когда Наташа заходит в кабинет и заносит того самого орущего ребёнка.

Глядя, как она уверенно идёт ко мне, я вообще теряю дар речи и даже перестаю моргать.

— Не понял… Ты… зачем её сюда притащила? — выдавливаю из себя слова.

Но Наташа молчит. Вместо объяснений она протягивает мне девочку и ждёт.

Только чего? Я не понимаю.

Девочка, видно, тоже растерявшись на долю секунд, перестаёт вопить и замирает.

Смотрит на меня широко раскрыв глаза, и ждёт, что я сделаю дальше.

— Возьмите…

— Зачем? Кто это?

— Это ребёнок! — говорит мне таким тоном, словно я идиот.

— Ну ясно, что не котёнок!

— Тимур Михайлович, возьмите, — настаивает.

— Зачем? — повторяю тот же вопрос.

— Потому что она ваша.

Я столбенею. На несколько долгих секунд всё вокруг будто замирает и это не образное выражение!

Я не просто застываю на месте — в голове тоже становится совершенно пусто, поэтому осознать смысл услышанного мне удаётся лишь спустя несколько секунд.

Она только что сказала моя?

Я перевожу взгляд на ребёнка. Маленькое заплаканное лицо, сжатые кулачки, дрожащие губы.

— Смирнова, сегодня не первое апреля, — цежу я сквозь зубы, но делаю это максимально тихо, чтобы не напугать малышку.

— А я и не шучу.

— Ты хочешь, чтобы я тебя уволил? — продолжаю настаивать на том, что она меня разыгрывает.

— Нет, — резко отрезает одним словом все мои дальнейшие попытки обвинить её в обмане.

Девочка, словно опомнившись, снова начинает плакать. Причём заходится таким громким плачем, что, кажется, и у моей помощницы и у меня лопнут перепонки.

Я не привык к таким звукам.

К звонкам и ругани с инвесторами привык! К раздражённым голосам брата и отца привык! К ругани на совещаниях привык.

Но детский плач в моём кабинете звучит как пожарная сирена на борту самолёта. И означает примерно то же самое, что в самолёте: приближается катастрофа!

— Выключи её! — несу бред, хватаясь за уши.

— Как?! — Наташа тоже начинает плакать, но не так громко, как девочка. Беззвучно. — Она вам не кукла, где есть функция «ВКЛ/ВЫКЛ»!

— Но ты же женщина! Придумай что-нибудь!

— Тише, моя хорошая, — идёт мне на уступки моя помощница. — Тише, моя маленькая. Ну что ты хочешь? Ну не плачь.

Она гладит её по голове, щекам, вытирает слёзы и даже целует её пухлую ручку.

Девочка, слушая успокаивающий тон Наташи, потихоньку начинает успокаиваться.

Но что-то подсказывает мне, что это ненадолго.

Малышка кладёт голову на плечо моей помощнице и тихонько вздыхает.

Наташа сверлит меня глазами и продолжает гладить руку малышки.

— Теперь, пока она снова не начала рыдать, рассказывай мне, откуда она взялась и с чего ты решила, что она моя дочь, — мне кажется, так быстро, как сейчас я не разговаривал никогда.

— Её принесли.

— Кто?

— Женщина.

— Какая женщина?

— Не знаю.

— Как это — не знаешь? Брюнетка? Блондинка. Толстая. Худая. Высокая. Мелкая.

— Обыкновенная. Средняя. Блондинка. Стройная. В пальто. С сумкой и прогулочной коляской. Очень нервная.

— Так, ясно, что ничего не ясно, — от своей беспомощности повышаю голос. Но как только замечаю, что девчушка переводит на меня взгляд, я тут же затыкаюсь.

Вероятно, мой голос её раздражает.

Наташа продолжает беззвучно плакать. Вероятно, она тоже чувствует себя беспомощно, но в отличие от меня не позволяет себе уходить в агрессию и раздражение.

Она лишь поджимает губы и быстро вытирает слёзы рукавом своей рубашки.

На мгновение мне становится стыдно. Девушка, вероятнее всего, сама стала жертвой чьей-то тупой, но довольно жестокой шутки, и я ещё на неё накинулся.

Надо будет обязательно извиниться перед ней.

— Тимур Михайлович, полчаса назад на пороге приёмной появилась девушка с ребёнком. Она сначала спросила, где вы и можно ли к вам попасть на приём.

— Как её пропустила охрана?

— Я не знаю. Я не выясняла. Это вообще не моя задача.

— Ладно, ладно, только не нервничай.

Наташа выдавливает из себя улыбку и продолжает говорить:

— Когда я сказала, что вы на месте, она улыбнулась и попросилась отойти в туалет. А меня подержать ребёнка.

— И…

— А что мне оставалось делать? Я согласилась. И... всё.

— То есть она не вернулась? — с трудом верится, что мать может не вернуться за своим ребёнком.

— Нет, — в глазах моей подчинённой снова появляются слёзы. Огромные такие капли!

Видимо, за последние полчаса она успела дойти до крайней степени отчаяния.

Девочка замечает её состояние, настороженно заглядывает ей в лицо и тоже начинает хлюпать носом. Её нижняя губа опасно дрожит.

— Так, стоп! Только не начинайте рыдать обе! Одной плачущей мне здесь вполне достаточно! — предупреждаю я, поднимая руку.

Хотя понимаю, что предупреждать бесполезно. Одна, то, что взрослая, меня послушает. А вот мелкая — точно нет.

Наташа расправляет плечи и гордо вздёргивает нос.

Надо же, а моя секретарша, оказывается, умеет быстро брать себя в руки!

— Она только сказала мне, что девочку зовут Лиза, — теперь чеканит слова. — Поставила сумку и ушла.

— Ты искала её?

— Конечно! Я обошла весь этаж и даже спускалась в холл. Спрашивала охрану, но никто не видел, как она уходила. Камеры сейчас проверяют.

Выхожу в приёмную и пробегаюсь взглядом по кабинету.

Замечаю большую тёмную сумку, стоящую возле дивана. Из неё торчит уголок детского пледа и какая-то игрушка.

Выглядит это крайне подозрительно. И главное по тому, что я вижу, у меня возникает чёткое ощущение, будто женщина заранее приготовилась оставить здесь ребёнка.

От этой мысли становится не по себе.

Возвращаюсь в свой кабинет.

— Тимур Михайлович, пожалуйста, умоляю, заберите её. У меня руки сейчас отвалятся. Я за всю свою недолгую жизнь ни разу не держала ребёнка на руках так долго.

Она снова протягивает мне малышку.

— Так поставь её на пол! Она же умеет ходить?

Не желая брать ребёнка, отступаю на шаг и упираюсь бедром в край своего рабочего стола. Оглядываюсь и понимаю, что дальше отступать некуда.

— Умеет, — устало отвечает Наташа. — Но она не хочет. Только на руках чуть-чуть молчит.

— Мама де? — вдруг подаёт девочка голос.

Мы с моей подчинённой замираем.

— Мама? — переспрашивает Наташа.

Девочка кивает и оглядывается по сторонам, будто надеется увидеть знакомое лицо.

Не обнаружив матери, она снова смотрит на нас.

— Мама… Ушла…

Девочка хмурится, а я быстро добавляю:

— Но скоро придёт! Обязательно! Потому что, если не придёт — нам всем кранты.

Глава 2

— Полицию вызвала? — продолжаю свои расспросы, пользуясь редким моментом тишины.

— Пока нет. Вы заберёте у меня ребёнка или нет?

Сначала перевожу взгляд на девочку, затем снова на свою секретаршу.

Наташа смотрит на меня в ответ, и между нами начинается самая настоящая зрительная борьба.

Обычно ей хватает одного моего недовольного взгляда, чтобы сразу согласиться, извиниться или молча выполнить поручение.

Но сейчас всё иначе. Она стоит напротив меня и явно не собирается уступать.

Девочка, словно чувствуя напряжение, начинает снова хныкать.

— Тимур Михайлович, — первой нарушает молчание Наташа.

В её голосе звучит предупреждение. Она смотрит на меня таким взглядом, словно хочет открутить мне голову. Подобного выражения на её лице я прежде не видел.

— Что?

— Ничего! — Наташа, видимо, не выдерживая тяжести малышки, сдаётся и ставит её на пол. — Всё, хоть убейте, больше не могу! Если не хотите брать свою дочь, не берите, но я вам не нянька!

Смотрю на свою помощницу и не могу поверить, что она так дерзко разговаривает со мной.

Конечно, формально она мне не хамит. Не переходит на личности, не произносит ничего оскорбительного и даже обращается ко мне на «вы». Но говорит настолько твёрдо и жёстко, что я снова теряюсь.

Это моя Наташа, которая вечно ведёт себя как серая мышка? Та, чей голос у меня всегда ассоциировался с мышиным примерно как «пи-пи-пи»?

Пока мы препираемся, девочка крутит головой и рассматривает обстановку кабинета.

Неожиданно громко раздаётся звук входящего вызова. Малышка вздрагивает, а я проклинаю себя за то, что поставил на входящие такую идиотскую мелодию.

Я быстро сбрасываю звонок.

Понимая, что на руках девушки более безопасно, она поднимает руки и снова тянется к моей помощнице.

— На уки.

— Что? — не сразу поднимает моя подчинённая.

— На уки.

— Она снова просится к тебе на руки.

— Нет…

Отказ Натальи тут же грозит новым витком плача. Лицо малышки краснеет, в глазах блестят крупные слёзы.

Наташа отступает, но малышка упрямо следует за ней.

Но моя подчинённая не сдаётся. Она продолжает медленно пятиться, словно её преследует не двухлетний ребёнок, а что-то по-настоящему опасное.

— Отстаньте все от меня. Я тебе не мама! Я не нянька! Я не договаривалась с твоей мамой, чтобы сидеть с тобой, и тем более таскать тебя столько времени на руках, — девушка смотрит на мелкую и говорит с таким надрывом, словно эта малышка должна сразу успокоиться.

— Наташа, ты её пугаешь, — как можно спокойнее говорю я.

— А вы пугаете меня. Тимур Михайлович, ну вы же не… деспот. Вы видите, она сейчас снова плачем зайдётся. Ну, возьмите вы её наконец! У меня самой руки уже отваливаются. Возьмите её хотя бы на минуточку.

Наташа складывает руки в жесте мольбы. Но я готов ответно сложить такой же. Я не умею общаться с детьми! И учиться не хочу!

— Я не умею, — говорю честно. — Я даже не знаю, как её держать! А вдруг я… передавлю её что-нибудь и она…

Секретарша закатывает глаза. Я, честно говоря, впервые вижу, чтобы Наташа закатывала глаза на меня.

Сегодня для меня по-настоящему день открытий.

— Ну ей же не месяц! Взяли под попу, посадили на руку, — командует она.

И прежде чем я успеваю продолжить возразить или отказаться, Наташа берёт девочку и вкладывает мне её в руки.

Я невольно цепенею. Тело становится напряжённым, а в груди всё будто сжимается.

Несколько секунд я лишь ошеломлённо смотрю на малышку, совершенно не понимая, как теперь себя вести.

— Ну! Не умерли? Живы? Я же говорила — ничего страшного! Держите её за спинку. Крепче.

— Ты мне потом за это ответишь, — говорю сквозь зубы, чтобы не напугать ребёнка. Но Наталья лишь хмыкает.

Девочка оказывается неожиданно тёплой и даже, кажется, тяжёлой.

Либо я настолько напуган, что мне сейчас и килограмм покажется непосильной ношей.

Наши глаза оказываются напротив друг друга, и мы начинаем разглядывать друг друга.

Она смотрит настороженно, но не испуганно. Кажется, она оценивает про себя: не опасен ли я для неё и можно ли мне доверять.

Дальше малышка переводит глаза на мой лоб, потом на подбородок и задерживается на губах, словно ждёт, что я наконец что-нибудь скажу.

Мой рот растягивается в улыбке. Её, в ответной реакции делает то же самое.

Наверное, действительно нужно что-то ей сказать, и я открываю рот.

Однако тут же закрываю. Я не знаю, что я должен ей сказать. Все подходящие слова куда-то исчезают.

«Не бойся» звучит глупо. Мне кажется, что я даже больше боюсь, чем она.

Спросить: «Кто ты?» — полный бред. Она за это время только «мама», «на уки» и «де» сказала. Вряд ли она мне расскажет, кто она и где её сумасшедшая мамаша.

Лиза, продолжая рассматривать меня, чуть склонив голову набок. Я даже не замечаю, как повторяю её движение.

— Привет, — наконец выдавливаю я единственное слово.

Девочка моргает и продолжает смотреть на меня своими голубыми глазами.

— Наташа, что делать дальше? Что говорить дальше? — шепчу я, не шевелясь.

— А я откуда знаю? — также же шёпотом говорит мне, сбрасывая пиджак и начиная разминать руки.

В любой другой ситуации я бы сказал, что она совсем обалдела и забылась, но сейчас я готов смотреть на любые её движения, лишь бы она спасла меня от этого ребёнка.

— Всё? Размялась?

Наташа останавливается и прищуривается. Кажется, она понимает, зачем я задаю этот вопрос.

— Нет. Мне ещё долго приходить в себя. И вообще, мне пора… Я совсем забыла, что кабинет пустой, — делает она шаг к двери.

— Стоять! Твои самые важные дела перед тобой. Это я, твой шеф и в данную минуту этот ребёнок. Не серди меня, — я бросаю на неё гневный взгляд, и она тут же понимает, что так поступать нельзя.

Её побег от меня в такой ситуации будет караться смертной казнью. Не в буквальном, конечно, смысле. Но увольнение без выходного пособия — самая малость, что её ждёт за такое поведение.

Глава 3

— Не надо мне угрожать. Это ваш ребёнок. Я здесь причём, — продолжает говорить непривычным для меня тоном девушка.

— В данную минуту он ничейный!

— Нет! Ваш! В конверте так и написано, что ваш. Она… Она даже похожа на вас. Неужели вы этого не видите?!

— Наташ, пожалуйста, не зли меня. У меня и так стресс. Надо же, какие тяжёлые — эти младенцы, — чувствую, что руки начинают деревенеть.

А говорят, что своя ноша не тянет. Если так, может, всё-таки эта мелкая плакса не моя?

— Она не младенец, — Наташа, понимая, что от меня не сбежать, опять начинает ходить и делать зарядку. — Младенцами считаются до года.

— А ты откуда знаешь? — спрашиваю её, начиная вертеть головой по сторонам.

Цель моих действий — понять, куда деть ребёнка.

Посадить её на стол? Нельзя. Не успею моргнуть, как свалится.

В кресло? Там таких три Лизы поместится. Тоже свалится.

Так, дальше… Может, на диван? Надо попробовать.

Сажаю её на диван, но она начинает крутить головой, не соглашаясь там сидеть.

— Понял...

В итоге мне ничего не остаётся, как снова взять её на руки.

Я наклоняюсь, осторожно подхватываю девочку и прижимаю к себе. Она тут же устраивается поудобнее, словно именно этого и добивалась с самого начала.

Её маленькие пальцы цепляются за ворот моего пиджака, а на лице появляется такое довольное выражение, что я невольно усмехаюсь.

Как только я замечаю довольное выражение лица Лизы, в памяти тут же всплывает недавний разговор с другом, который тоже совсем недавно стал отцом.

Я вспоминаю, как я при встрече спрашивая «как дела?», он отмахивался и улыбаясь говорил о том, что дочь уже вовсю вьёт из него верёвки.

Мол, стоит ей захныкать, нахмуриться или протянуть к нему руки, как он бросает все свои дела и спешит выполнять очередной каприз маленькой принцессы.

Тогда я слушал и смеялся. С выражением лица человека, разбирающегося в воспитании детей, я советовал ему стукнуть кулаком по столу и не идти на уступки девочки.

Для меня лично всё казалось простым: ребёнок капризничает — взрослый проявляет твёрдость и напоминает, кто в доме главный. Всё, никаких сложностей!

И вот теперь я сам оказался в роли подкаблучника, только не у женщины, а у маленькой девочки.

Стукнуть кулаком по столу не вариант. Напомнить, кто в доме главный – тоже. И что теперь делать?

Выполнять то, что она хочет? Позволить ей командовать мной?

Да, страшно представить, во что я превращусь, когда у меня появятся собственные дети.

Неужели суровый и непреклонный бизнесмен способен так быстро превратиться в безвольную тряпку?

— Ты сказала, что в конверте было написано: она моя. Где теперь этот конверт?

Наташа достаёт из кармана своей юбки белый плотный конверт и протягивает мне.

— Откройте и читайте. Убедитесь сами, что я не обманываю. Здесь всё написано.

— У меня заняты руки.

Она смотрит на ребёнка, потом на меня.

— Да, непривычное положение для вас. Никогда вас не видела с ребёнком на руках.

— Наталья, не томи! Читай!

Она открывает конверт, достаёт сложенный лист и какой-то документ.

— Свидетельство о рождении, — сразу поясняет мне. — Знаете, Тимур Михайлович, я думаю, раз девушка положила оригинал такого важного документа, значит, ваши дела плохи.

— Почему? — с каким-то придыханием говорю я.

— Значит, она решила избавиться от ребёнка навсегда.

— Я в такое не верю. Матери никогда не бросают своих детей. Они ради них жизнь готовы отдать.

— То, что вы не верите, не значит, что этого нет, — продолжает убеждать меня Наташа в том, что я попал по полной.

Но я сопротивляюсь и продолжаю успокаивать себя тем, что это какое-то недоразумение.

— Шерлок Холмс мой, читай уже наконец письмо!

— Может… Вы сами потом?

— Наташа…

— Только после того, как я прочту, не надо на меня свой негатив выливать. Я ваша помощница, а не громоотвод.

Она вздыхает и начинает читать:

— Тимур, эта девочка — твоя дочь. Её зовут Лиза. Ей год и девять месяцев…

Я закрываю глаза. Девушка обращается ко мне в своём письме так, словно мы хорошо знакомы. Значит, она знает меня.

А я не знаю её. Вернее, не помню.

— Дальше, — заставляю себя говорить. Начало мне уже не нравится.

Наташа снова переводит взгляд на листок. Понимаю, что в отличие от меня, она уже прочитала всё целиком и знает, что будет дальше.

Вероятно, содержимое письма её удивило, и она просто не знает, как озвучить написанное.

— Когда я забеременела, я думала родить ребёнка — это круто. Но потом поняла, как ошиблась. Сначала гадала, куда её деть, но ничего другого не придумала, как оставить её тебе. Ты же всё-таки тоже отец! Я понимаю, что для тебя это неожиданно, но у меня нет другого выхода. Мне не нужны ни алименты, ни внимание. Я, как и ты, не хочу детей, а хочу вольной жизни и не создана для материнства. В сумке её документы, вещи, смесь, бутылочка.

Пока моя помощница читает письмо, Лиза хватает меня за палец и сжимает.

— Всё?

Наташа мнётся.

— Наташ!

— П.с: Если не хочешь с ней возиться, вызывай полицию и отправь её в детский дом. Мне всё равно.

— В детский дом? — на всякий случай переспрашиваю, и девушка кивает. — Она что, с ума сошла?

Пока моя помощница читала письмо, я пытался вспомнить незнакомку, которую могла быть матерью этого ребёнка.

Но вспомнить не мог.

За последние пару лет женщин у меня было столько, что пальцев на обеих руках не хватит, чтобы пересчитать.

Некоторые отношения продолжались несколько месяцев, другие заканчивались после пары встреч.

Имена, голоса, внешность — всё давно превратилось в бессмысленный калейдоскоп двигающихся фигур.

Да, про таких, как я, женщины обычно говорят коротко и нелестно: кобель.

Только я всегда считал себя честным гулякой.

Я никому не изменяю, не обещаю того, чего не собираюсь выполнять. Не рассказываю девушкам сказки о большой любви и совместном будущем, лишь бы затащить их в постель.

Если женщина не против флирта и ни к чему не обязывающих отношений, значит, они у нас будут.

Если ей нужно нечто большее, мы расходимся. Всё просто, понятно и, как мне до сегодняшнего дня казалось, предельно честно.

А о женитьбе я вообще всегда предупреждал отдельно.

Никаких колец, семейных ужинов и планов на троих. Никаких детей. Я никогда не скрывал своего отношения к семье и был уверен, что женщины рядом со мной понимают правила.

Пока в голове крутятся мысли, Лиза всё так же продолжает держать меня за палец. От того, насколько напряжённее я становлюсь, тем она сжимает мой палец сильнее.

А может, она просто тем самым хочет мне сказать, чтобы я не отдавал её. Трудно догадаться, всё ли понимает ребёнок в этом возрасте.

— Ещё что-то есть, кроме свидетельства и письма?

Глава 4

— Больше ничего.

— Ничего… Хотя бы подпись есть? Или аноним? — я настолько отупел от такой новости о наличии у меня детей, что даже не соображаю о возможности узнать информацию из свидетельства о рождении.

— Алина.

— Алина… Алина… — повторяю её имя, но всё равно не могу вспомнить никакой Алины.

— Нет. На вскидку не помню Алины. В любом случае нужно разбираться, — произношу я задумчиво.

Поднимаю глаза на Наташу. Сразу замечаю знакомое выражение лица: губы поджаты, взгляд отведён в сторону, но в глазах решимость.

Свою подчинённую я знаю хорошо. Если Наташа так мнётся, значит, у неё на языке вертится что-то неприятное, но, по её мнению, очень важное.

— Что?

— Ничего.

— Говори. Я же вижу, что ты хочешь что-то сказать.

— Ничего.

— Говори! — повышаю голос.

— Если бы вы предохранялись, ничего подобному этому не случилось бы.

— Спасибо, — сухо произношу я. — Без тебя я бы никогда не догадался, мамочка. Зануда ты, Наталья. И такие зануды, наверное, не допускают мысль, что жизнь — штука непредсказуемая.

— Ну, может, я и зануда, но мне никто под дверь кабинета детей не приносит.

Снова с удивлением приподнимаю брови. Я даже не сразу нахожу что ответить. Просто смотрю на Наташу и хлопаю глазами.

Обычно в нашей компании только я имею право так открыто высказать своё мнение. Но, вероятно, Наташа, находясь в стрессе, забыла об этом.

— А ты… оказывается, с характером дамочка. И язык у тебя... острый.

— Я просто сказала, что думала.

— Мысли свои оставь при себе.

Пока мы препираемся, Лиза какое-то время сидит у меня на руках. И происходит это на удивление спокойно.

Она разглядывает Наташу, потом переводит взгляд на меня, внимательно слушает разговор и, вероятно, пытается понять, кто из нас в этой словесной перепалке побеждает.

Однако вскоре Лизе надоедает быть молчаливым наблюдателем. Она начинает беспокойно ёрзать у меня на руках. Сначала слегка поворачивается, потом выгибает спину и недовольно сопит.

Я крепче прижимаю её к себе, опасаясь уронить.

— Ты чего? — на автомате жду ответа. Я ещё не привык, что человек может не уметь разговаривать.

Вместо слов нижняя губа девочки подозрительно дрожит. А вот этот жест я уже выучил. Много времени, чтобы понять, что она собралась плакать — не надо.

— Нет-нет-нет, — быстро говорю я, сам не понимая, кому именно. Ей? Себе? Мирозданию? — Не реви! Только не снова. У меня от твоего плача голова скоро лопнет!

Она смотрит на меня, будто оценивает убедительность приказа. Но кто я такой, чтобы меня слушать? Я ей не босс, не муж, и отцовство моё пока не доказано. Лиза снова начинает старую песню.

Правда, теперь не так громко, как раньше, но достаточно, чтобы я занервничал.

— Наташ, ну что ей опять надо? — обречённо спрашиваю я.

Наташа молчит. Замыкает руки на груди и гордо вздёргивает нос.

Она игнорирует мой вопрос. Да, похоже, эти дамы доконают меня сегодня.

— Ты обиделась, что ли?

— Нет!

— Тогда почему не отвечаешь на мой вопрос?

— А я разве должна? Вы же сами сказали, чтобы я держала своё мнение при себе.

Точно... Было такое дело минуту назад. Я действительно такое говорил.

— Ладно, извини. Говори, я слушаю.

Со стороны наша ситуация выглядит до абсурда нелепо. Мы стоим посреди моего кабинета и перепираемся.

По нашим растерянным лицам сразу видно, что никто из нас понятия не имеет, как обращаться с младенцами. Ни я, ни моя помощница не предполагали, что мы однажды столкнёмся с подобным испытанием.

К деловым переговорам и крупным сделкам мы привыкли готовиться заранее, просчитывая каждый шаг. А вот появление ребёнка застало нас врасплох.

И главное ведь, что ребёнка, как неготовую сделку не отменишь. Не отдашь тому, что принёс, не вернёшь по почте.

— Сумка, которая была с малышкой тяжёлая?

— Не очень.

— Тогда неси.

Наташа исчезает и через минуту возвращается с большой бежевой сумкой.

Ставит её на диван, расстёгивает молнию и начинает выкладывать вещи: подгузники, салфетки, бутылочку, банку смеси, маленькую кофточку, игрушку-зайца, папку с документами.

— Документы сначала.

Наташа открывает конверт и достаёт свидетельство.

— Мать — Алина Аркадьевна Донцова. Отец…

Она запинается.

— Отец? — жёстко спрашиваю я.

— Прочерк.

Прочерк? И как это понять? Если она утверждает, что ребёнок мой, почему поставила прочерк и тем более, почему не требовала алименты?

А, да, я забыл. Она же написала, что ей ребёнок не нужен. И ещё добавила: так же как и мне.

А откуда она знает, нужен ли он мне? Может, я о нём мечтал полжизни?

Тимур, ну кому ты врёшь… Мечтал он.

— В общем, здесь всё: и страховое свидетельство, и медицинский полис.

Я усмехаюсь без радости.

— Предусмотрительно. Прежде чем ребёнка оставить обо всём позаботилась.

Лиза снова всхлипывает и тянет кулачок ко рту.

— Тимур Михайлович, я, конечно, мысли детей читать не умею, но мне кажется, что она голодная, — предполагает Наташа.

— А что у нас есть из еды? Я видел, ты какие-то бутерброды делала вчера.

— Ей такое нельзя. Она ещё маленькая. Каша! — Наташа, довольная своим гибким и быстрым умом, поднимает вверх палец. — Кажется, я видела это слово на упаковке среди прочих вещей.

— Но обычно кашу надо варить. Но где мы это будем делать? — в панике соображаю, где мы будем варить эту кашу.

— Нет. Думаю, такие варить не нужно. Они быстрорастворимые.

— Быстрорастворимые... Я слышал, что они вредные.

— Предлагайте свой вариант, — с вызовом смотрит на меня подчинённая.

— Хорошо, — понимаю, что сопротивляться сейчас глупо. У меня на самом деле нет выбора. — Что нужно делать?

— На коробке должна быть инструкция.

И снова я благодарен Наташе, что она более сообразительна, чем я. Никогда я не тупил, как сегодня.

Она читает инструкцию вслух, оглядывается по сторонам и понимает, что здесь она точно кашу не заварит.

Кулер с водой, ложка и прочие прибамбасы, связанные с едой и питьём стоит у Натальи в кабинете.

Она обычно приносит мне кофе, чай, и покушать.

Причём моя подчинённая всегда напоминает мне о том, что обязательно надо покушать. Я, когда занят делом за временем не смотрю.

— Ждите! — командным тоном говорит она.

Наташа снова убегает, а я остаюсь с Лизой один на один. И вот здесь становится по-настоящему страшно.

Пока в кабинете есть моя помощница, можно язвить, раздавать указания, напоминать, кто здесь главный. Но когда дверь закрывается, а на руках у меня остаётся маленькая девочка, я превращаюсь в немощного мужика, не знающего, что делать дальше.

Лиза тоже растеряна. Её подружка ушла, не сказав насколько.

— Ну что, будем ждать нашу Наташу, — говорю я хрипло. Малышка кивает. Соглашается. Уже хорошо. — Лиз, ты, видимо, моя дочь, представляешь! И если это правда, согласись, у нас с тобой довольно эффектное знакомство получилось. Кому рассказать — не поверят.

Глава 5

Она морщит нос и снова кивает.

Наверняка Лиза из того, что я сказал, ничего не понимает, но я продолжаю говорить. Мне сейчас главное не её понимание, а занять её.

— Пока это, конечно, точно не ясно, но скоро узнаем, действительно ли мы родственники. А вот когда нам это станет ясно, тогда и будем решать, что делать дальше.

Девочка продолжает внимательно слушать. Но это совершенно точно лучше, чем если бы она снова начала плакать.

Наверное, у меня слабая нервная система, но детский плач вызывает у меня откровенное раздражение.

— Где же там наша Наташа... Ладно... Что ещё... А какие ты любишь игрушки?

Девочка задумывается и пожимает плечами.

— Хорошо, купим тебе и куклу, и медведя, и уголок хозяйки. Я видел такой у дочери друзей.

Поглядываю на время. Мне оно теперь кажется бесконечным. И даже несмотря на то, что Лиза не психует, на удивление продолжаю нервничать я сам.

— Что тебе ещё рассказать. Хочешь, я тебе немного про твою родню расскажу?

— Дя, — неожиданно подаёт голос, словно её это действительно могло заинтересовать.

— Отлично. Ну тогда слушай. У тебя есть бабушка и дедушка. А ещё дядя. Дедушку зовут Миша, бабушку Марина, а дядю Арсений. Но мы его все зовём Арс. Семейка, я тебе скажу честно, своеобразная, но неплохая.

Лиза внимательно слушает, и я, пользуясь случаем, снова пробую усадить её на диван. В этот раз она не сопротивляется.

Кажется, я понимаю, что происходит. Всё новое у неё вызывает жуткий стресс, и потому она начинает рыдать крокодиловыми слезами. Вероятно, ей просто нужно привыкнуть к обстановке.

Вот, и диван уже не враг, а помощник.

Рукам становится заметно легче. Я пользуюсь моментом и, сбросив пиджак, так же как и Наташа, начинаю делать зарядку.

При этом не свожу глаз с мелкой. Не хватало, чтобы она упала.

— Так, что тебе ещё рассказать… — продолжаю я тихо. — Знаешь, а вроде я начинаю припоминать, где встретился с твоей мамой…

Как только я произношу слово «мама», Лиза мгновенно напрягается. На её лице сразу же возникает целая гамма эмоций.

Мама... Точно. Страшное и опасное слово в нашем лексиконе.

Так, кажется, я только что совершил непоправимое…

Не успеваю дождаться полноценной реакции, как дверь распахивается и на пороге появляется моя помощница.

Никогда в жизни я не был так рад видеть её, как сейчас. В данную минуту она кажется мне не просто спасительницей, а человеком, способным одним своим появлением решить все проблемы.

Будь я более сентиментальным или несдержанным, я бы бросился ей навстречу с объятиями.

Наташа быстро входит в комнату, держа перед собой бутылочку со смесью. Вид у неё такой сосредоточенный и одновременно гордый, словно она только что совершила настоящий подвиг.

— Ну как вы здесь без меня?

— Отлично, — немного привираю.

— Я вроде всё сделала так, как написано в инструкции, — сообщает она, с сомнением разглядывая содержимое бутылочки. — Налила воду, добавила нужное количество каши и тщательно размешала. Комочков, кажется, нет.

— «Кажется»? — настораживаюсь я.

— Тимур Михайлович, я готовила такую кашу впервые в жизни. Будем надеяться, производитель подробно всё рассчитал.

— И дальше что?

— Нужно проверить температуру.

Лиза, увидев бутылочку, начинает нетерпеливо тянуть к ней ручки и сопеть, напоминая нам, что обсуждения её совершенно не интересуют.

Она голодна и явно не намерена ждать, пока двое непутёвых взрослых, наконец, разберутся с бутылочкой.

— Как?

— На запястье.

— Чьё?

— Ваше, Тимур Михайлович.

— Давай!

Она капает смесь мне на запястье. Тёплая.

— Нормально? — спрашивает.

Я прислушиваюсь к своим ощущениям.

— Понятия не имею. Но боли не чувствую.

— Дяй! — неожиданно командует дочка.

Но вместо того, чтобы отдать бутылку девочке, моя помощница протягивает бутылочку мне.

Я смотрю на неё и не понимаю, чего она хочет.

— Что?

— Кормите, — настаивает.

— Я?

— Конечно. Учитесь! Она же ВАША дочь.

— Наташ… давай ты.

— Ладно. Но только в этот раз! Дальше сами!

Наташа берёт на руки девочку, помогает ей устроиться поудобнее и подносит бутылочку к её губам.

Лиза хватает её в руки и начинает жадно пить.

— Вот, — шепчет Наташа. — Видите? Не так уж и сложно.

— Ну кому как…

Я провожу ладонью по затылку и чувствую, что волосы стали влажными. Спина, кстати, тоже мокрая. Рубашку хоть выжимай.

Никогда бы не подумал, что один маленький ребёнок способен довести взрослого мужчину до такого состояния.

Но факт остаётся фактом: я растерян, я слегка напуган и совершенно точно дезориентирован от происходящего.

Лиза продолжает сосредоточенно пить, не обращая на нас внимания.

Пока девочка занята процессом, я спешу сменить рубашку.

Захожу в комнату отдыха и открываю шкаф. Там висит несколько новых рубашек и запасной костюм.

Останавливаюсь, смотрю на вещи и снова чувствую благодарность к Наташе. Ведь это именно она создаёт для меня этот комфортный мир.

А ведь мы никогда не обсуждали подобную помощь в качестве обязанности. Наташа взяла её на себя и контролирует мой внешний вид до сих пор.

Вот кому-то везёт с женой. Кладезь, а не женщина!

Даже то, что она настолько отзывчива — уже вызывает у меня к ней огромное уважение.

Другая бы на её месте уже сбежала, оставив меня наедине с ребёнком и моими проблемами, а она рядом и даже не ставит мне никаких условий или оплаты.

Хотя, может, я тороплюсь с выводами. Главное ещё впереди?

Быстро снимаю мокрую рубашку, вытираюсь полотенцем и надеваю свежую.

Тороплюсь и несколько пуговиц оставляю не застёгнутыми. Возвращаясь в комнату, на ходу пытаюсь справиться с запонками.

Наташа поднимает голову и смотрит на меня.

Её взгляд на мгновение скользит по моей распахнутой рубашке, и она тут же опускает глаза в пол.

Замечаю, что щёки у неё заметно розовеют.

Глава 6

— Извини, задумался, — начинаю спешно застёгивать пуговицы.

Наташа по-прежнему на меня не смотрит. Теперь она сидит, отвернувшись к окну, и старательно делает вид, что полностью сосредоточена на кормлении ребёнка.

Да, я же говорил, что она скромница. Всего смущается. Даже полураздетого мужика.

Интересно, а у неё вообще в жизни хоть один мужчина был?

Мысль возникает внезапно и кажется настолько неуместной, что я хмурюсь.

Чушь какая! Почему я вообще об этом подумал?

Лиза отрывается от бутылки и причмокивает. Это возвращает меня в реальность.

— Наелась, маленькая? — ласково спрашивает моя помощница.

— Дя.

— Ещё? — предлагает ей бутылочку.

Лиза отрицательно крути головой.

— Что вы собираетесь делать дальше?

— Искать её ма… — успеваю вовремя заткнуться. — Алину.

— Другие варианты вы не рассматриваете?

— Например?

— Самые простые: вызвать органы опеки, юриста, службу безопасности. Оформить всё правильно.

— А потом?

— А потом… А потом сами знаете, что потом. Тимур Михайлович, вы же не хотели даже на руки её брать. Как вы дальше справляться собираетесь?

— Наташ, не трави душу, — начинаю сердиться.

— А что особенного я сказала?

— Ничего. Просто я не знаю ответа на твой вопрос. Опеку пока вызывать не буду. Девочка останется здесь, пока мы не разберёмся с нашим родством.

— Подождите, не поняла... Здесь? В офисе? — Наташа не может скрыть своего удивления.

— Нет, конечно, не в офисе. Я вызову водителя и мы поедем ко мне домой.

— Сейчас?

— Ну да.

— Но у вас через двадцать минут встреча с потенциальными инвесторами!

Поворачиваю голову на часы, висящие на стене. Точно! Я совсем о ней забыл!

— Отмени.

— Тимур Михайлович, представитель специально приедет из Петербурга! Вы с ними месяц о встрече договаривались!

— Перенеси, — настаиваю.

— Нельзя! Ваш брат и отец не поймут этого!

— Я что-нибудь придумаю. Совру, что она сама отказалась приехать.

— А мне что ей соврать? Вы же знаете, какая там стерва. Она вам этой отмены никогда не простит!

— Ей, в отличие от моих родных можем сказать правду.

— Что? Правду? — Наташа не тупая, но почему-то переспрашивает с таким возмущением, словно я сказал что-то недопустимое.

— Ну да. Ну или... Полуправду. А что не так?

— Если я скажу ей про ребёнка, она не поверит. Про неё говорили, что она вообще не любит детей.

— Так не бывает. Это мужик может не понять ситуации. А женщина… Если дело касается ребёнка, женщина всегда поймёт. Скажи ей, например… что жена у меня заболела, и мне пришлось забрать ребёнка к себе в офис.

— Тимур Михайлович…

— Если не поверит, можешь даже фотографию отправить. Давай сейчас сделаем какую-нибудь умилительную. Знаешь так, чтобы ребёнок, офис, серьёзный отец, вынужденный одновременно заниматься бизнесом и спасать семью. Уверен, после такого она не станет возражать и простит мне нарушение планов.

— Ладно… — Наташа соглашается, но я вижу, что в её взгляде мелькает большое сомнение. — Хорошо. Я всё отменю.

— Не отменишь, а перенесёшь, — поправляю я. — Это принципиально разные вещи. Мы же не отказываемся от встречи, просто сегодня у меня… особые обстоятельства. Кстати, вызови нашего юриста.

— Вызвала.

— Ещё нужно будет подключить частного детектива, чтобы он нашёл Алину. А, Наташ, ещё врача. Как он называется, тот, что по маленьким детям?

— Педиатр.

— Точно. Его! Лучшего. Естественно, из частной клиники.

— Сделаю. ДНК тест нужен?

— Да. И охрану предупреди. Пусть напишут мне отчёт, как эта женщина прошла незамеченной.

Моё стремление сделать генетический анализ обосновано не только собственным любопытством, но и логикой.

Его результаты нужны мне хотя бы для того, чтобы у меня не смогли отобрать ребёнка.

— Не переживайте, я уже обо всём распорядилась, — чеканит Наташа.

— Хорошо...

Список срочных поручений внезапно заканчивается, и я замолкаю. Я снова чувствую себя растерянным. Ведь я понятия не имею, что делать дальше.

Лиза поела. Переодели её ещё до того, как принесли ко мне. Врач скоро приедет. И дальше что?

Я должен с ней поиграть или погулять? Или что там делают с детьми в этом возрасте?

— Тимур Михайлович, что с вами? — Наташа замечает моё сосредоточенное лицо.

— Думаю, что с ней делать дальше.

— Ничего. Сейчас, скорее всего, наступит время тишины.

— Как это?

— Посидим тихо, и она скоро заснёт. По крайней мере, так делает большинство детей в её возрасте.

— А если она не такая, как все?

— Вряд ли, — теперь мы оба не сводим глаз с ребёнка.

Не проходит и нескольких минут, как Лиза начинает тереть глаза. Теперь она едва удерживает голову ровно и та то и дело заваливается набок.

— Кажется, засыпает. И сколько она будет спать? — спрашиваю я шёпотом.

— Может, полчаса. А может, два часа.

Наташа снова оказалась права. Не проходит и двух минут, когда Лиза закрывает глаза. Следом открывает, но тут же закрывает снова.

Малышка пытается победить Морфея, но он всё равно оказывается сильнее и утаскивает её в мир сна.

Наступает звенящая тишина.

Смотрю на Лизу и удовлетворительно киваю:

— Вот теперь я понимаю значение выражения: уснул один человек, а отдохнули все!

— Вообще-то, эта шутка обычно применяется к боссам, и звучит она так: уехал в отпуск один человек, а отдохнули все.

— Плевать! Ты не можешь не согласиться со мной, что это высказывание подходит и к нашей ситуации?

— Согласна, — в унисон со мной вздыхает девушка.

— Наташ, а ты так говоришь, когда я ухожу в отпуск? — тихонько смеюсь, а моя подчинённая тут же краснеет.

— А что вам хочется услышать?

Я не успеваю ответить «правду», когда дверь кабинета распахивается и на пороге появляется юрист нашей компании.

— Тимур Михайлович! — с громким стуком заходит Смирнов. Но заметив в руках Наташи ребёнка, теряется и больше не двигается.

— Не дышать… — тихо говорю я, прожигая глазами своего подчинённого. — Иначе я тебя убью...

Глава 7

Все невольно замирают, опасаясь, что Лиза проснётся. Однако она продолжает спокойно спать.

Так, нам надо поговорить. Но как это сделать так, чтобы не тревожить малышку?

Я медленно осматриваюсь по сторонам.

— Давай я её возьму. Нужно переложить её с твоих рук на диван, — шёпотом говорю я.

Пока я забираю у Наташи малышку, застывает на месте и не шевелится.

Юрист стоит как истукан и, кажется, будто перестал дышать.

А я, взяв Лизу на руки, двигаюсь к цели с осторожностью сапёра, пробирающегося по минному полю.

Кладу аккуратно девочку и отхожу. Жду. Секунда. Две. Три. Кажется, пока полёт нормальный.

Так, дальше. Теперь нужно чем-то её укрыть.

Я никогда не ночую в своём кабинете, одеяла у меня нет, поэтому ничего не остаётся, как накрыть её своим пиджаком.

Наташа сбегает в приёмную, несёт свою кофту, и я, свернув её, делаю для Лизы подушку.

Надо же, а я и не знал, что умею так импровизировать.

Глядя на малышку и испытывая огромное облегчение, мы, не сговариваясь, одновременно двигаемся в сторону выхода из моего кабинета.

Наша маленькая, но такая слаженная команда довольна тем, что мы изобрели для нашей малышки.

Оставляю приоткрытой дверь так, чтобы мне было видно Лизу. Я не хочу, чтобы она упала с дивана.

Даже если она и не мой ребёнок, я никогда не смогу простить себе, если причиню ей боль.

— Здесь будет лучше. Наташ, расскажи ещё раз всё, что рассказывала мне. Подробно!

— Ох, я так устала, — поскуливает моя подчинённая.

— Я тоже, но нам нужны подробности.

Она, вздохнув, начинает на повторе свой рассказ:

— Эта девушка пришла примерно два часа назад. Она вошла в кабинет уверенно и с улыбкой на лице. По крайней мере, у меня не сложилось впечатления, что она чем-то была расстроена. Я сначала решила, что она по записи к вам на приём, и начала спрашивать, на какое время ей назначено.

— Но у меня кроме встречи с инвесторами не было никаких незапланированных приёмов.

— Да, я знаю. Но вы же меняете иногда своё расписание. Это могло случиться и сегодня.

— Дальше.

— Она подошла ко мне, и на руках у неё была Лиза. Девочка уже тогда плакала, но не так сильно. Ну, знаете… так, слегка хныкала. Но я не обратила на это внимание, маленькие дети довольно часто реагируют даже на изменение погоды.

— Дальше.

— Девушка сказала, что ей нужно срочно попасть к вам. Я спросила, по какому вопросу. Она ответила: «Лично к Тимуру Михайловичу». Я сказала, что без записи вы не принимаете. Она фыркнула и как-то ехидно улыбнулась. Сказала примерно: «её он примет» и показала глазами на вашу дочь.

— Дочь? — вклинивается в наш разговор до этого молчавший юрист.

— Да, дочь. Наташ, не отвлекайся! Дальше! А ты слушай внимательно.

— Я сказала, что могу записать её на другой день или передать вам документы. Она не согласилась. Лиза в это время начинала нервничать ещё сильнее. Вероятно, чувствовала, что мать хочет от неё избавиться. Девушка уходить не торопилась. Села на диван. Девочка уже плакала, и мать начала её пытаться успокоить. Я предложила воды. Ну а затем, что было дальше вы знаете. Она попросилась выйти в туалет и пропала, — Наташа ускоряет речь. — Тимур Михайлович, я ни в чём не виновата!

Моя помощница опускает глаза, и мне кажется, что она снова начнёт плакать. Только её слёзы в отличие от Лизиных отличаются беззвучностью.

Я знаю, что Наташа ни в чём не виновата. И я верю ей. Она никогда не относилась к работе безответственно.

И если в первые несколько минут я жутко на неё сердился, то теперь, я, наоборот, очень благодарен ей. Без неё я бы совершенно точно не справился.

— Я правда думала, что она вернётся через минуту.

— Но она не вернулась, — догадаться несложно.

— Да. Когда она ушла, Лиза начала плакать ещё сильнее, и я попыталась её успокоить. Между делом позвонила охране и попросила проверить уборную. Там никого не было. Потом попросила посмотреть коридор. Её тоже не было. Затем её плачь услышали вы и появились на пороге приёмной.

— Наташ, ты когда мне рассказывала, я был слишком шокирован происходящим. Ещё раз опиши внешность девушки.

— Она среднего роста. Блондинка. Стройная. Знаете, что меня поразило в её внешности больше всего?

— Что?

— Меня поразили её изумрудные глаза.

Изумрудные глаза... Как только Наташа говорит эти слова, я сразу же понимаю, о ком идёт речь.

Если бы Наташа сразу сказала о них тогда, когда описывала её впервые, я бы сразу понял, кто эта девушка.

— Нет, только не она … — прикрываю глаза и не могу сдержать собственного разочарования.

— Что с вами? — напрягаются одновременно и юрист, и моя помощница…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.